

ОТЕЛЬ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ

Конверт с чужой датой

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

**Отель забытых фонарей.
Конверт с чужой датой**

«Автор»

2026

Северина А.

Отель забытых фонарей. Конверт с чужой датой / А. Северина —
«Автор», 2026

Марина Зорина открывает старую папку и обнаруживает, что из конверта исчезло письмо. На его месте остался лист с неясным оттиском и датой, которая не совпадает с временем выдачи документа. Пока Марина пытается установить, кто обращался к папке, Варвара приносит новое свидетельство, а один из участников дела заявляет о подмене поручения. Каждое объяснение меняет смысл предыдущего — и заставляет Марину защищать право свидетелей на собственный рассказ.

Алёна Северина

Отель забытых фонарей.

Конверт с чужой датой

Глава 1. Ключ и вырезанный лист

В конверте не оказалось письма.

Марина проверила сначала сам конверт, потом папку, в которую убрала его в конце весны, и наконец стол — хотя знала, что на столе ничего не лежит. Тонкий лист с нечётким оттиском был на месте. На нём по-прежнему не значились ни имя, ни объяснение; только дата, поставленная раньше выдачи спорного бланка. Марина вынула его за края и положила рядом с конвертом.

Внутри прощупывался жёсткий предмет.

Она разрезала боковой шов ножом для бумаги. На ладонь упал потемневший латунный ключ, небольшой, с круглой головкой и короткой бородкой. На кольце держалась выцветшая бумажная бирка. Чернила почти расплылись, но несколько букв ещё можно было разобрать: «...лых фо...». Ниже стояла цифра два.

Марина не стала пробовать ключ на замке конторы. Она записала дату получения, описала конверт, оттиск и ключ в отдельной тетради, а потом завернула предмет в чистый лист. Только после этого позволила себе снова посмотреть на надпись.

Отель забытых фонарей.

Название она знала не по газетам. Оно уже возникало в бумагах, связанных с тем тонким листом, — краем, без подтверждения, как строка, которую кто-то не успел или не захотел внести в окончательную запись. Тогда Марина решила не строить догадок на одном обрывке. Теперь у неё были ключ и конверт без обратного адреса. Это всё ещё не было доказательством, но уже не походило на случайную почту.

Она позвала писаря, оставила ему поручения и закрыла контору раньше обычного. Папку с весенней находкой заперла в ящике. Ключ от ящика убрала в карман, свой новый — в сумку, отдельно от остальных.

На улице пахло мокрым камнем и дымом. Дождь прошёл недавно, и вода ещё текла вдоль мостовой тонкими ручьями. Марина свернула к отелю, не решив, станет ли показывать там найденный ключ. Сперва ей следовало выяснить, существует ли связь между биркой и зданием, а не подгонять факты под надпись.

Отель стоял в стороне от торговой улицы, за длинным кирпичным забором. У ворот Марина остановилась. В верхнем окне горел фонарь, хотя ещё не стемнело. За стеклом шевельнулась тень.

Дверь открыла пожилая женщина в тёмном переднике. Марина узнала Агафью. Та помнила её не хуже.

— Вы к кому?

— Пока ни к кому. Мне нужно узнать, хранится ли у вас старый реестр постояльцев или переплёт с регистрационными листами.

Агафья всмотрелась в неё, потом перевела взгляд на сумку.

— Есть. А вам зачем?

— Мне прислали ключ с биркой, на которой можно прочесть название вашего отеля. Я не знаю, кто его отправил и что он открывает. Поэтому спрашиваю, прежде чем что-либо трогать.

Марина достала завернутый ключ и развернула бумагу ровно настолько, чтобы показать бирку. Агафья не взяла его.

— Откуда конверт?

— Обратного адреса нет. Внутри, кроме ключа, была копия старого регистрационного листа. Тот лист я получила в конце весны. Тогда записала его отдельно, но не считала доказательством.

— Вы говорили Александру?

— Нет. Не было чего сообщать, кроме находки.

Агафья помолчала, будто взвешивала не ответ, а то, чего в нём не было. Потом отступила от порога.

— Покажу переплёт. Но ключ оставьте при себе.

Внутри пахло воском, пылью и сушёными травами. Агафья провела Марину по коридору в маленькую комнату за стойкой. У стены стоял низкий шкаф; на его полках лежали книги разного размера, некоторые стянутые тесёмками. Агафья отперла шкаф своим ключом и достала толстый переплёт с вытертыми углами.

— За ним ухаживали, — сказала она. — Но последнюю страницу вырвали. Не вчера и не мной.

Она положила книгу на стол и раскрыла посередине. Листы шуршали сухо, переплёт держался на нитях. Марина не стала листать быстро: сверяла даты, записи, нумерацию листов. На полях повторялись короткие пометы, сделанные разными чернилами. Строка о последнем постояльце заканчивалась перед самым краем вырванной страницы.

— Когда вы обнаружили пропажу?

— Сегодня утром. Хотела проверить запись для одной женщины, которая спрашивала об отце. Книгу открыла — страницы нет.

— Кому вы об этом сказали?

— Никому. Не знаю, когда её вырвали. Не знаю даже, была ли это одна страница.

Марина закрыла переплёт, не коснувшись повреждённого края.

— Тогда пока нельзя утверждать, что ключ относится к нему или что лист вырван недавно.

— Но кто-то знал, что искать?

— Возможно. Это ещё предстоит установить.

За стеной послышались быстрые шаги. В дверях появилась молодая женщина, бледная, с распущенной лентой на рукаве. Она прижала к груди сложенный лист.

— Агафья, вы обещали не трогать книгу до моего прихода.

— Не дождалась тебя, Дарья. Достала и показала госпоже Зориной.

— Я хотела сама сверить запись. Если её больше нет...

Она осеклась, заметив Марину.

— Это госпожа Зорина. Она увидела книгу после того, как я обнаружила пропажу, — сказала Агафья. — Дарья ищет запись о своём отце.

Дарья посмотрела на книгу, потом на ключ в руке Марины.

— Значит, это вы унесли страницу?

— Нет, — ответила Марина. — Я впервые вижу этот переплёт. А ключ получила сегодня в конверте без подписи.

— Удобно.

Дарья произнесла это негромко, но лист в её руке смялся. Марина не стала требовать доверия.

— Я могу записать, что книгу обнаружили без страницы, и кто присутствовал при осмотре. Могу также указать, что у меня есть ключ, происхождение которого неизвестно. Но не буду называть его уликой, пока не выясним, что он открывает.

— А запись об отце? — спросила Дарья.

— Сейчас её нет. Я не стану придумывать, что там было.

Дарья отвернулась. Это оказалось для неё тяжелее, чем если бы Марина пообещала найти пропавший лист. Агафья придвинула стул, но девушка осталась стоять.

— Если его найдут, я узнаю? — спросила она.

— Если вы оставите мне адрес, я сообщу вам о каждом установленном факте. Не о слухах.

Дарья посмотрела на неё с недоверием, потом разжала пальцы. На смятом листе проступило пятно от чернил.

— Я пришла не за утешением. Мне нужно знать, что в книге было.

Марина достала тетрадь.

— Тогда начнём с того, что можно проверить. Когда вы в последний раз видели переплёт целым?

Агафья назвала день. Дарья — другой. Их даты расходились на два дня. А между ними, как выяснилось из слов обеих, у книги бывали люди, которых никто не записывал.

Марина внесла оба ответа, не выбирая между ними.

В сумке лежал неизвестный ключ. На столе — переплёт с вырванной страницей. Дарья потеряла единственное место, где могла искать подтверждение отцовской истории, и теперь подозревала в краже человека, которого видела впервые.

Марина положила карандаш на стол.

— Сегодня я не буду ничего открывать и никого обвинять. Но страницу нужно считать пропавшей, а не уничтоженной. Пока это единственное, что мы знаем наверняка.

Марина закрыла тетрадь. Оставив переплёт в отеле, все трое перешли в её контору и продолжили разговор за столом.

— Тогда начнём с того, что можно проверить. Где книга лежала?

— В комнате, — ответила Агафья. — В той, что у меня.

Дарья резко повернулась к ней:

— Ты говорила, что она была в шкафу.

— Так и было. В шкафу, на верхней полке.

— А мне сказала, что убрала её в ящик.

Агафья помолчала, прежде чем ответить. Она не выглядела растерянной, но пальцы, лежавшие на краю стола, медленно сжались.

— Я переложил её туда позже.

— Когда?

— После того, как ты уехала из Белоречья в прошлый раз.

— Это было не два дня назад.

— Я знаю.

Дарья опустила лист на стол. Теперь она не сминала его, но ладонь оставила сверху, будто удерживала на месте.

Марина не стала спрашивать, почему Агафья сразу не упомянула ящик. Сначала следовало установить, какая из версий относилась к пропаже страницы, а какая — к обычному перемещению книги.

— Вы обе говорили о разных днях, — сказала она. — Может быть, каждая имела в виду последний раз, когда видела книгу в определённом месте?

— Я видела её целой в шкафу, — отрезала Дарья. — Потом уехала. Она была целой. Я помню.

— А я переложил её из шкафа в ящик, — сказала Агафья. — Не в тот же день, когда Дарья уехала.

— Когда именно?

— На прошлой неделе.

Дарья убрала руку с листа.

— И ты ничего не сказала.

— Я не знала, что страницы нет.

— Ты хотя бы открывала книгу, когда перекладывала?

— Нет, не листала её. Переложила, потому что в комнате протекло у окна. Крышу чинили, и я не хотела, чтобы переплёт отсырел.

Это объяснение не подтверждало ни одну из версий. Но оно давало новую точку отсчёта: книга переместилась из шкафа в ящик раньше, чем Агафья заметила пустое место. Если лист исчез до этого, ящик мог быть ни при чём. Если после — круг возможных случаев сужался, но не настолько, чтобы назвать кого-то виновным.

Марина раскрыла тетрадь и провела черту между записями.

— Агафья, вы сказали, что нашли переплёт без страницы. Когда это было?

— Сегодня утром.

— Кто ещё знал, что книга лежит в ящике?

— Я — и Дарья, когда приезжала. Она могла видеть, куда я её убрала.

Дарья коротко усмехнулась.

— Я не заходила в твою комнату после приезда.

— Ты сама просила показать книгу.

— На прошлый день, не на тот, который ты назвала.

— Ты сказала, что видела её у окна.

— Потому что ты сама вынесла её в общую комнату.

Агафья отвела взгляд. Не виновато — скорее, пытаясь восстановить порядок событий. Марина подождала. В спешке люди часто заменяли одно воспоминание другим, особенно если от точности зависело, кому достанется подозрение.

— Я могла вынести её, — признала Агафья. — В тот день зашёл мастер. Ему нужно было проверить раму. Я убрала вещи с подоконника.

— Какой мастер? — спросила Марина.

— Плотник, который чинил окно. Фамилии я не помню. Его прислал управляющий.

— Вы знаете, когда он приходил?

— Нет. Это было несколько месяцев назад.

— Значит, его визит пока не связан с пропажей, — сказала Марина. — Запишу отдельно, чтобы не потерять. Но не как причастность.

Дарья наконец села. Стул скрипнул под ней; она придвинулась к столу, не снимая пальто.

— Если он не связан, зачем записывать?

— Чтобы не пришлось потом вспоминать, откуда мы узнали о нём. И чтобы никто не превратил случайный визит в доказательство.

— А кто превратит?

— Любой, кому будет удобно обвинить человека, которого здесь нет.

Агафья посмотрела на Марину. В её лице мелькнуло что-то похожее на благодарность, но она тут же опустила глаза к тетради.

— Я не хочу, чтобы ты поехала в отель и стала обыскивать мои вещи, — сказала она.

— Я и не собиралась.

— Но книгу нужно осмотреть.

— С вашего согласия. При вас и Дарье, если она захочет присутствовать. Я зафиксирую состояние переплёта и место, где не хватает листа. Саму страницу это не вернёт.

— А ключ? — спросила Дарья.

Марина коснулась сумки, не вынимая ключ.

— Пока отдельно. Его можно описать, но нельзя связывать с книгой только потому, что он оказался в одном конверте с листом.

Дарья посмотрела на застёжку сумки.

— У тебя есть доступ к отелю?

— Нет.

— Но ключ прислали тебе.

— Да.

— Значит, отправитель хочет, чтобы ты что-то открыла.

— Возможно. Это предположение, не факт.

— Ты всё время так говоришь, — сказала Дарья. — Как будто от точных слов что-то изменится.

— Иногда меняется. Например, если я назову ключ доказательством, его происхождение станет казаться установленным, хотя я не знаю ни замка, ни отправителя.

— А если ты не откроешь то, что он открывает, мы потеряем время.

— Если я попробую первый попавшийся замок, мы получим царапину на двери и всё ещё не узнаем, откуда ключ.

Дарья отвернулась к окну. За мутным стеклом двигались люди, торопясь по своим делам; от мокрой мостовой отражался тусклый свет вывески напротив. Марина не стала добавлять, что спешка не возвращает пропавшие страницы. Дарья и без того это знала.

Агафья взяла тетрадь за угол, но не потянула к себе.

— Напиши, что книгу нашли у меня.

— Напишу. И что обнаружила её ты.

— А Дарья?

— Дарья присутствовала при осмотре и не видела страницу после того дня, который указала.

— Я не говорила, что не видела её, — возразила Дарья. — Я сказала, что последний раз видела книгу целой.

Марина внесла уточнение и прочла вслух. Дарья слушала, не перебивая. Когда Марина закончила, она кивнула — не как человек, который согласился с выводом, а как тот, кто проверил запись и не нашёл в ней подмены.

Они договорились встретиться в отеле утром. Агафья унесёт книгу из комнаты только при Дарье; Марина осмотрит переплёт и отметит повреждение, не забирая его с собой. Дарья записала свой адрес на отдельном листе. Марина вложила его в тетрадь, рядом с описанием конверта, а не внутри папки с регистрационным листом.

Когда женщины поднялись, Дарья задержалась у стола.

— Если окажется, что страницу забрала Агафья, ты тоже запишешь это?

— Если выяснится, что забрала, запишу факт и основания. Пока выяснилось только, что книга была в её комнате.

— А если она сама не помнит, кому дала её прочитать?

Агафья остановилась у двери.

— Тогда я так и скажу. Но я не отдавала книгу никому.

Дарья посмотрела на неё внимательно, словно хотела продолжить спор, но передумала. Она вышла первой. Агафья последовала за ней, и дверь закрылась без хлопка.

Марина осталась одна. Из сумки она достала ключ и положила рядом с конвертом, не примеряя его к замку письменного стола. В тетради рядом стояли две даты, две разные версии и ни одного имени, которое можно было бы вписать в графу виновного.

Теперь книга оставалась у Агафьи, а место осмотра было назначено. До утра ключ не должен был стать ничьим оправданием.

Утром Марина пришла в отель раньше назначенного часа. Ключ лежал во внутреннем кармане сумки, отдельно от тетради; она проверила это ещё у конторы, прежде чем запереть дверь. На улице пахло мокрой листвой и угольным дымом. Отель стоял в конце переулочка, за низкой оградой, и в его окнах уже горел свет.

Агафья открыла ей сама.

— Дарья ещё не пришла, — сказала она. — Книга на столе. Я её не трогала.

В гостиной за стойкой было прохладно. На столе лежал толстый журнал в тёмном переплёте. Угол обложки потёрся до серой ткани, а на корешке темнели два круглых следа от старых заклёпок. Марина сняла перчатки и раскрыла тетрадь.

— Сначала запишу, что книга находилась здесь до моего прихода. Потом сверим состояние переплёта.

— Она всё время была в комнате? — спросила Марина.

Агафья помедлила.

— Когда я унесла её от Дарьи, положила на комод. Вчера принесла сюда. До этого лежала у меня. Я не помню, чтобы переставляла.

— Значит, отметим то, что вы помните, а не то, что удобно звучит.

Агафья сжала губы, но кивнула.

Марина описала положение книги, пыль на обложке и трещину у нижнего края корешка. Затем попросила Агафью назвать, когда она в последний раз открывала журнал до обнаружения пропажи.

— В конце зимы. Мне нужно было проверить запись о комнате. Я нашла её и закрыла книгу.

— Вы видели страницу целой?

— Видела запись. Не могу сказать, проверяла ли весь лист.

Марина подняла глаза. Вчера Агафья уверенно сказала, что никому книгу не давала, и сообщила о пропаже страницы, но не знала, когда та исчезла.

— Хорошо. Так и внесу.

В дверь постучали. Дарья вошла, сняла пальто и повесила его на крючок у входа. Она не поздоровалась с Агафьей, но, увидев открытую тетрадь, спросила:

— Уже записала, что книга у неё?

— И что ты присутствуешь при осмотре, — ответила Марина. — Начнём, когда ты подтвердишь, что готова.

Дарья поставила сумку на пол и посмотрела на журнал. Лицо у неё стало неподвижным.

— Готова.

Марина положила чистый лист под обложку, чтобы не задеть стол, и попросила обеих отойти от края. Книгу открывала Агафья — хозяйка вещи. Марина только придерживала переплёт, пока та переворачивала страницы.

Записи шли по годам. Имена постояльцев, сроки проживания, иногда короткие пометки о платеже. На нескольких листах чернила выцвели, а бумага стала ломкой у сгибов. Марина не спешила: сравнивала толщину страниц, положение шнуров и следы у корешка.

На одной из записей Дарья остановила её.

— Вот. Это последняя страница, которую я помню целой.

Марина сверилась с датой в верхнем углу. Рядом стояла фамилия, которую Дарья назвала вчера. На следующем листе сохранился узкий обрывок бумаги, неровный, с короткими волокнами. Он был не вырван вдоль сгиба: часть страницы срезали острым предметом, оставив у переплёта полосу шириной в палец.

— Когда ты увидела, что листа нет?

— Вчера, когда пришла сюда и застала тебя с Агафьей у книги. До этого я не знала о пропаже.

— Ты помнишь, какая запись была на вырезанном листе?

— Нет. Но она должна была быть следующей по времени.

— Не обязательно, — возразила Агафья. — Мы могли пропустить год.

— Могли, — сказала Марина. — Пока это лишь последовательность листов, не содержание.

Она записала размеры повреждения, положение обрывка и номера соседних страниц. Затем посмотрела на корешок. На внутренней стороне переплёта темнела тонкая дуга, будто по ней однажды провели чем-то металлическим. Марина не стала касаться пятна.

— Здесь есть след, но я не знаю, от чего. Внесу как наблюдение, не как доказательство.

— А ключ? — спросила Дарья. — Он может подходить к этой книге?

Агафья вскинула голову.

— Книга ничем не запирается.

— Я не про замок. На бирке было написано про фонари. В отеле ведь есть кладовые.

Марина достала из сумки конверт, но ключ оставила внутри.

— Ключ пока не связывает книгу с этим местом. Бирка повреждена, надпись прочитана не полностью. Я не буду проверять его на всех замках в отеле только потому, что цифра совпала с номером тома.

— А если он от двери, за которой спрятан лист? — Дарья говорила тише, но напряжённее.

— Тогда это выяснится не догадкой. Сначала мы должны понять, кто имел доступ к книге и когда.

Агафья посмотрела на Марину.

— Я не отдавала её никому.

— Это уже записано. Но ты сказала, что не помнишь, переставляла ли книгу. Для проверки важно и это.

— Я не хочу, чтобы из моей забывчивости сделали признание.

— Не сделаю. Но и обещать, что она ничего не доказывает, не могу.

В комнате стало слышно, как в коридоре кто-то прошёл по лестнице. Агафья первой отвела взгляд.

Марина попросила обеих назвать, кто мог входить в её комнату с конца зимы до вчерашнего дня. Агафья перечисляла без уверенности: сама, Дарья, горничная, когда приносила бельё; однажды мастер чинил оконную раму. Дарья добавила, что в тот период несколько дней жила у сестры и в комнату не заходила.

— Ты была там до отъезда, — сказала Агафья.

— Да. А потом вернулась через пять дней. Книгу тогда уже унесла ты.

— Я не помню, в каком состоянии она была.

Марина записала обе даты и пометила, что их нужно сверить с записями отеля. Никакого вывода из паузы в пять дней она не сделала.

Когда осмотр закончился, Агафья закрыла журнал, не перелистывая назад. Марина внесла в тетрадь, что книга остаётся у неё и покидать комнату будет только при совместном присутствии обеих женщин. Дарья прочла запись, затем подписала отдельный лист как свидетель осмотра.

— Теперь хотя бы ясно, что страницу вырезали, — сказала она.

— Ясно, что лист отсутствует и край срезан, — поправила Марина. — Кто сделал это и когда, пока неизвестно.

Дарья задержала перо над бумагой, но всё-таки поставила подпись.

Агафья убрала журнал в ящик стола и повернула ключ в замке. Марина отметила время и попросила её не отдавать ключ от ящика никому до следующей встречи. В сумке её собственный ключ остался неиспытанным, но теперь у повреждения были точные размеры, у каждой женщины — внесённые в запись слова, а у расследования появилась проверяемая задача: установить, кто входил в комнату и когда пропал лист.

Марина убрала тетрадь во внутренний карман сумки и ещё раз проверила, что латунный ключ не касается бумаги с оттиском. Металл мог оставить след; пока она не знала, откуда он взялся, даже это казалось лишним риском.

— Записи о комнате сохранились? — спросила она.

Агафья не сразу ответила. Она стояла у стола, ладонью придерживая ящик, который только что заперла.

— О каких именно?

— Кто жил в ней после Дарьиного отъезда. Когда горничная приносила бельё. Когда чинили раму. Если такие отметки в отеле вообще ведут.

— Ведут, — сказала Дарья. — Не всегда подробно. Но горничная отмечает, какие комнаты убирала.

— А мастер?

— Его записывали в расходную книгу. Работу и материалы. Вход в комнаты — если хозяин просил.

Агафья поджала губы.

— Раму я просила починить. В комнате была сама.

— Тогда это можно подтвердить двумя записями, — сказала Марина. — Или выяснить, что их нет.

— Ты думаешь, лист забрал мастер?

— Я пока думаю, что его отсутствие можно проверить. Это не одно и то же.

Дарья посмотрела на дверь, потом на сумку Марины.

— А ключ?

— Ключ пока ничего не подтверждает. Ни замок, ни помещение, ни владельца.

— Но бирка похожа на название отеля.

— Похожа. Чернила выцвели, и я не стану дописывать за них недостающие буквы.

Агафья отошла от стола. На её лице не было ни облегчения, ни прежней настороженности: скорее усталость человека, которому предложили работу, а не ответ.

— Журналы в конторе, — сказала она. — Я принесу их сюда.

— Нет. Мы посмотрим их там, где они хранятся. При тебе и Дарье. Ничего не уносим и не перекладываем без записи.

— Ты мне не доверяешь?

Марина застегнула сумку. Вопрос прозвучал тихо, но ответить на него можно было только прямо.

— Я не знаю, кто трогал книгу. Не знаю, кто положил ключ в конверт. И не знаю, когда пропал лист. Если сейчас я назову тебя вне подозрений, это будет не доверие, а удобство.

Агафья отвела руку от ящика.

— А если ты решишь, что это я?

— Тогда я скажу, на чём основан вывод.

Дарья опустила глаза на лист, который подписала после осмотра. Её подпись заняла всего одну строку, но от этого бумага будто стала тяжелее.

— А я? — спросила она. — Ты тоже будешь проверять, где я была?

— Твои слова уже записаны. Ты уезжала к сестре на пять дней и вернулась, когда книгу забрала Агафья. Это подтверждает только твоё отсутствие в комнате в этот промежуток. Не больше.

Дарья кивнула, хотя по её лицу было видно: ей хотелось, чтобы Марина сказала что-нибудь проще и теплее.

— Я поеду с вами в контору, — решила она. — Если там есть мои подписи, я хочу видеть, где.

— Хорошо. Но сначала я запишу, что ты поедешь с нами.

— Даже это?

— Особенно это.

Марина достала тетрадь и добавила время, место, присутствующих и намерение осмотреть записи отеля. Дарья дождалась, пока она закончит, затем подписалась рядом. Агафья отказалась ставить подпись под тем, чего ещё не видела, но согласилась прийти в контору сама.

В коридоре Марина пропустила женщин вперёд. Агафья заперла комнату и проверила ручку, потянув её дважды. Дарья задержалась на пороге, оглянулась на стол, за которым лежал закрытый ящик.

— Ключ от него у тебя? — спросила Марина.

— У меня.

— Оставь при себе.

Агафья сжала ключ в ладони, не убирая его в карман.

— Ты полагаешь, что кто-то попытается открыть ящик?

— Нет. Я полагаю, что после нашего разговора ключ должен оставаться у того, кто отвечает за журнал.

Это было не обещание безопасности и не обвинение. Агафья, кажется, услышала именно это: разжала пальцы и спрятала ключ.

Они спустились по лестнице. У стойки портье спросил, не понадобится ли им экипаж; Агафья отказалась, сославшись на короткую дорогу. За дверями отеля воздух был сырым, с запахом камня и свежей грязи. Марина шла впереди лишь до угла, потом остановилась, чтобы женщины выбрали направление сами.

— В контору, — сказала Дарья.

— Тогда туда, — ответила Марина.

На перекрёстке Агафья свернула к главной улице, и Дарья пошла рядом с ней. Марина держалась на шаг позади, не потому что хотела отстраниться, а чтобы не задавать им темп. В сумке латунный ключ тихо стукнулся о футляр с пером. Она остановилась и переложила его в отдельный бумажный пакет, который взяла из конторского ящика ещё до того, как они отправились к отелю. Бирку не тронула.

Дарья обернулась.

— Ты уже решила, что он важен.

— Решила, что его нужно сохранить отдельно от других вещей.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

В конторе Марина открыла входную дверь и зажгла лампу. Папки, оставленные на столе, лежали там же, где она их положила. Она не стала сразу садиться за записи: сначала сверила часы, внесла в тетрадь время возвращения и отметила, что пакет с ключом остаётся при ней. Потом сняла с полки чистую папку и положила в неё копию листа с оттиском, отдельно от исходного конверта.

Агафья наблюдала, не снимая перчаток.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь узнаем, какие записи есть в отеле и за какой срок. Если журнал неполный, это тоже будет результат. Но неполнота не докажет, кто вырезал страницу.

— А если записи покажут, что в комнату заходил кто-то посторонний?

— Тогда проверим, кто именно внёс отметку и когда.

Марина подвинула к Дарье чистый лист.

— Запиши, что ты помнишь о днях до отъезда и после возвращения. Только даты и то, что можешь подтвердить. Если чего-то не помнишь, так и напиши.

Дарья взяла перо, но прежде спросила:

— Ты это приложишь к делу?

— Сохраню отдельно. Решение о том, что станет доказательством, приму после сверки с другими записями.

Дарья несколько мгновений смотрела на пустой лист. Потом вывела первую дату, зачеркнула и написала заново. На этот раз не спросила, поверит ли ей Марина.

Агафья села у края стола, положив обе руки на колени. Между ней и Дарьей оставалось достаточно места, чтобы не касаться друг друга. Марина открыла свою тетрадь на новой странице и записала, что их следующая встреча состоится в отеле, у конторских журналов, в присутствии обеих женщин. Под датой она оставила место для отметки о том, кто принесёт книги и в каком они будут состоянии.

Когда Дарья закончила, Марина прочитала её запись вслух. Дарья поправила одну дату и поставила рядом инициалы. Подтвердить всё остальное она пока не могла.

За окном по мостовой прошла телега, и звон упряжи затих за поворотом. Марина закрыла папку, не запирая её в ящик: листы оставались у неё на виду, а ключ от отельного ящика — у Агафьи. Между этими двумя вещами пока не было доказанной связи. Теперь у расследования был первый шаг, который можно было проверить не по памяти, а по записям, сделанным до того, как они узнали о пропаже страницы.

На следующий день Марина пришла в отель раньше назначенного часа. Она захватила отдельную папку, чистые листы и тонкие хлопчатые перчатки: не для таинственности, а чтобы не оставить на старой бумаге жирных следов. Латунный ключ лежал в конторе, в подписанном конверте. Брать его с собой она не стала.

У входа пахло мокрыми досками и печным дымом. Агафья встретила её в коридоре с двумя книгами под мышкой. Дарья шла следом, прижимая к груди сложенный лист со своими записями.

— Журнал за тот год и книгу выдачи ключей, — сказала Агафья. — Других старых книг я пока не нашла.

— А комната, где стоял ящик?

— Второй этаж, дверь в конце коридора. Там теперь кладовая. Ящик убрали давно, ещё до того, как я стала здесь хозяйкой.

Марина посмотрела на неё.

— Вы помните, когда именно?

— Нет. И не стану угадывать.

Это прозвучало без вызова. Агафья уже научилась отличать осторожность от попытки уклониться. Марина кивнула и поднялась вслед за ней.

В маленькой служебной комнате стоял стол, на котором едва хватало места для раскрытой книги. Агафья положила журналы рядом, Дарья осталась у двери. Марина раскрыла первый том на нужном году, сверяясь с датами на корешке и нумерацией страниц. Бумага была тонкая, строки тесные, некоторые записи расплылись от времени. Она не стала перелистывать быстро: сначала отметила состояние переплёта, потом номера листов, потом даты.

— Вот здесь, — сказала Агафья и указала на запись, сделанную синими чернилами. — Дарья тогда ещё жила в комнате двенадцать.

Дарья не подошла ближе.

— Я была там до отъезда. Потом вернулась.

— Когда? — спросила Марина.

— Двадцать третьего числа. Кажется.

Марина не подняла глаз от журнала.

— В твоей записи указано двадцать четвёртое.

— Да. Я вчера проверила по письму сестры. Она написала мне в тот день, когда я уже была дома.

— Тогда пока оставим двадцать четвёртое.

Дарья сжала свой лист, но спорить не стала.

Записи в журнале шли почти ежедневно. Прибытия, продление проживания, выдача белья, оплата. У даты возвращения Дарьи значилось: «комната 12, два дня, по просьбе постоялицы». Почерк был не Агафьян. Чернила отличались от соседних строк, а над записью оставался след от вытертой строки, будто перо когда-то прошло там сильнее.

— Кто вёл книгу в тот месяц? — спросила Марина.

— Я. Но эту строку внесла не я, — ответила Агафья. — Почерк похож на почерк моей прежней помощницы, Лидии Павловны. Она ушла из отеля ещё до моего назначения.

— Вы уверены?

— В её букве «д» хвост уходил под строку. Здесь то же самое. Уверенность в почерке — не то же самое, что доказательство, кто держал перо.

Марина записала это отдельно, не вписывая имя в перечень подтверждённых лиц. Потом осмотрела края листов. Пагинация не прерывалась, переплёт держал их крепко. В этой книге ничего не было вырезано.

Агафья открыла книгу выдачи ключей. В ней напротив дат ставили номер комнаты и короткую отметку о возврате. За три дня до возвращения Дарьи кто-то получил ключ от комнаты двенадцать. В графе стояли инициалы «Л. П.», но время возврата отсутствовало.

— Ключ от двенадцатой был у постояльцев? — спросила Марина.

— Один запасной хранился у конторки. Гостям выдавали их ключи при заселении.

— Кто мог взять запасной?

— Я, помощница и тот, кто дежурил ночью. Тогда дежурил сторож, но он уже умер.

Дарья наконец шагнула от двери.

— Значит, кто-то заходил в мою комнату?

— Запись показывает, что запасной ключ выдали, — сказала Марина. — Она не показывает, куда с ним пошли и что там делали.

— Но отметка моя, — Дарья коснулась края стола, не страницы. — Я тогда вернулась и увидела, что на подоконнике нет коробки. Там лежали письма. Я решила, что сама переложила её перед отъездом.

Агафья посмотрела на неё, однако не стала спрашивать, почему Дарья не сказала раньше. Марина перевернула страницу в книге ключей. Возле инициалов виднелось бледное пятно, как от попытки промокнуть запись. На обратной стороне листа чернила отпечатались неравномерно.

— Книгу не трогаем дальше, — сказала она. — Сначала сделаем описание и копию страницы. Оригинал останется у вас.

— А вырезанный лист? — спросила Дарья.

— В этой книге его нет. Мы не знаем, о какой книге говорилось в пропаже и когда именно её обнаружили без страницы. Пока это только совпадение с вашей комнатой и записью о ключе.

— Это уже больше, чем у нас было вчера, — сказала Агафья.

— Да. Но если мы назовём это доказательством раньше времени, ошибку придётся исправлять за ваш счёт.

Марина переписала строку, сохранив её сокращения и пометив, что копия сделана при Агафье и Дарье. Затем они обе поставили подписи под отметкой о сверке. Агафья убрала книги в запираемый шкаф, а ключ повернула дважды. Дарья тем временем развернула свой лист и вписала рядом с датой возвращения: «коробки на подоконнике не было; заметила в тот же день».

Марина не предложила ей добавить, что в комнате кто-то побывал. Дарья и сама этого не написала.

Когда они вышли в коридор, с верхней площадки донёсся короткий скрип. Агафья остановилась и прислушалась. Потом поднялась на несколько ступеней, заглянула в кладовую и вернулась одна.

— Окно было приоткрыто, — сказала она. — С улицы до него не добраться. Там могла быть незакрытая створка.

— Вы видели следы? — спросила Марина.

— Только пыль на полу и старый сундук. Ничего не трогала.

Марина посмотрела на закрытую дверь кладовой. Теперь туда следовало войти с записной книжкой и осмотреть окно, но не прямо сейчас: сначала нужно было понять, кому принадлежала комната в год, когда выдали запасной ключ, и сохранились ли ведомости дежурств. Она внесла это в список проверок, не рядом с доказательствами, а ниже, под чертой.

Дарья задержалась у лестницы.

— Если письмо было там, в коробке, его могли взять вместе с ней?

— Могли, — сказала Марина. — Но у нас нет основания считать, что коробка и ключ из конверта связаны. Пока есть только твоя запись о пропаже коробки и отметка о выдаче запасного ключа.

Дарья медленно кивнула. На этот раз ей не пришлось выбирать между тем, чтобы быть услышанной, и тем, чтобы её слова немедленно превратили в приговор.

Агафья заперла комнату и убрала ключ в карман. Марина сложила копию журнала отдельно от листа Дарьи. На улице они разошлись у крыльца: Агафья вернулась в контору отеля, Дарья осталась с ней, а Марина направилась к своей конторе, чтобы записать, где и при ком сверяла книги.

За ними закрылась дверь. В старом журнале по-прежнему оставались инициалами обозначенные руки, но теперь запись была привязана к странице, дате и конкретному экземпляру. Этого ещё не хватало, чтобы назвать виновного; хватало, чтобы следующий вопрос задать уже не наугад.

Глава 2. Неподтверждённый возврат книги

Утром Марина внесла лист в журнал входящих бумаг и поставила рядом с датой получения короткую помету: «Отправитель не указан. Содержимое не проверено по источнику». Потом заперла папку в ящике стола.

Она успела разобрать два счета, когда в дверь постучали. Александр вошёл не сразу: дождался её «войдите», снял перчатки и положил на край стола сложенный вдвое лист.

— Это не тот документ, что пришёл тебе, — сказал он. — И не копия. Бумага из моей папки.

Марина не коснулась листа.

— Что на нём?

— Отметка о передаче регистрационной книги в переплётную мастерскую. С датой. Я нашёл её вчера, когда проверял свои записи.

— Откуда у тебя такой документ?

— После дела Агафьи я поднял старые бумаги, которые сам когда-то собирал для управы. Не потому, что искал этот лист. Он лежал между счетами за переплёт и бумагами по другому поручению.

Он говорил ровно, но не смотрел на неё. Марина заметила это и придвинула к себе журнал, открыв чистую страницу.

— Давай сначала установим, что именно ты принёс. Когда он попал к тебе?

— Вчера вечером. Я записал место и время, где нашёл его. Папку не запираю, но в неё никто не входил, кроме меня. Утром сделал копию при свидетеле.

— При каком?

— При Семёне Петровиче Лукине. Он вёл счета в мастерской, куда относили книги. Сейчас живёт у племянницы на Заречной. Я не стал просить его ехать сюда. Он согласился принять нас у себя.

Марина подняла глаза.

— Ты уже говорил с ним?

— Только спросил, помнит ли он работу с регистрационными книгами. Он ответил, что помнит одну особенно хорошо: тогда переплёт пришлось переделывать.

— И почему именно её?

Александр чуть помедлил.

— Потому что в моих записях рядом с этой датой стоит моя подпись.

Марина оставила перо на столе.

— Твоя?

— Я передавал книгу. Тогда считал это обычным поручением. Не проверил, что за книгу забирают и кто будет отвечать за её возврат. Позже я понял, что не должен был действовать по устному распоряжению. Но это уже было после.

— И ты не сказал мне об этом вчера.

— Вчера я ещё не нашёл листа.

— А сегодня принёс его сразу сюда.

— Да.

Марина посмотрела на сложенную бумагу. Он не пытался приблизить её к ней и не предлагал поверить на слово. Это не делало его поступок правильным; только оставляло ей возможность проверить его.

— Покажи копию, — сказала она. — Оригинал пока останется у тебя.

Александр развернул верхний лист. Копия была сделана на тонкой бумаге, но дата и несколько строк читались ясно: регистрационная книга поступила в мастерскую в начале весны, за несколько дней до даты, стоявшей на листе без обратного адреса. Внизу значились инициалы приёмщика и отметка о возврате. Под ними — подпись Александра.

Марина сверила число дважды, затем достала из запечатого ящика лист, полученный в конце весны. Положила рядом, не накрывая один другим. Даты не совпадали, но были достаточно близки, чтобы случайное совпадение требовало проверки.

— Если запись верна, книга находилась в мастерской до той даты, — сказала она. — Но мы не знаем, что было в ней тогда, и не знаем, кто внёс отметку.

— Лукину это можно задать прямо.

— Сначала — кто видел запись и когда. Потом — что он помнит сам, а что знает из бумаг. Александр кивнул.

Марина записала в журнале, откуда взялась копия, кто её принёс и что оригинал остался у него. Затем закрыла лист с нечётким оттиском в отдельный конверт и убрала оба документа в папку. Копию она оставила при себе.

До Заречной они добрались пешком. Александр предложил нанять экипаж, но Марина отказалась: путь занимал меньше четверти часа, а разговор удобнее было начать без лишнего человека рядом. На улице после ночного дождя пахло мокрой древесиной; у канавы рабочий вытаскивал из воды промокшую связку хвороста.

Лукин встретил их сам. Он был худ, говорил негромко и держал дверь открытой, пока они не вошли в небольшую комнату, заставленную коробками с нитками и старой хозяйственной утварью. Марина представилась и назвала цель визита. Александр передал ему копию, но не оригинал.

Старик прочёл верхнюю строку, приблизил лист к окну.

— Это моя отметка, — сказал он. — Почерк мой. Книга действительно была у нас.

— Вы уверены, что помните именно эту книгу? — спросила Марина.

— Уверен в работе. У неё отстала нижняя доска, и в переплёте обнаружилась старая прокладка. Я велел снять её, потому что она шуршала при каждом открывании.

— Вы видели содержимое книги?

— Несколько страниц. Не читал. Сверял, чтобы ничего не зажать клеем.

— Кто принёс книгу?

Лукин перевёл взгляд на Александра.

— Он.

Марина обернулась к нему. Александр стоял неподвижно, сложив руки за спиной.

— Вы помните, как получили её? — спросила она.

— Мне поручили забрать книгу из управы и отнести в мастерскую. Я спросил, когда вернуть. Мне ответили: «После переплёта». Имени не назвали.

— Кто ответил?

— Не помню. Или не видел лица. Тогда там было много людей.

Лукин положил копию на стол.

— Книга вернулась не сразу. Я задержал её у себя на день: переплёт разошёлся повторно. Потом отдал тому же молодому человеку.

— Александру? — уточнила Марина.

— Да. Но не в управе. Он пришёл в мастерскую один.

Александр сглотнул.

— В моих записях стоит, что я вернул её в тот же день.

— Значит, ошибся, — сказал Лукин без упрёка. — Или записал день, когда собирался вернуть.

Марина посмотрела на дату копии. Если задержка была только на сутки, это не объясняло разницу в несколько дней между отметкой и листом из конверта. Зато означало, что её запись о порядке событий опиралась на неточную память Александра.

— Есть у вас подтверждение, что книга оставалась у вас ещё один день? — спросила она.

Лукин нахмурился, поднялся и достал из ящика связку квитанций, перетянутую бечёвкой. Он перебирал их медленно, придерживая пальцем край каждой, пока не вынул узкую полоску с цифрой и подписью. На обороте была помета о повторной починке.

— Вот. Я записывал расход клея и ниток. Дату ставил по вечерам.

Марина прочла число. Оно подтверждало слова старика, но создавало новое расхождение: в этот день Александр уже расписался в другом поручении управы, находясь, согласно записи, в противоположной части города.

Александр взял квитанцию за угол, не закрывая её ладонью.

— Эта запись может повредить тебе, — сказала Марина.

— Она уже показывает, что я не проверял собственные бумаги, — ответил он. — Спрятать её было бы ещё хуже.

Лукин отпустил квитанцию.

— Я не хочу, чтобы из моей отметки делали больше, чем в ней есть.

— Не будем, — сказала Марина. — Я внесу только то, что вы подтвердили лично. А копию квитанции попрошу заверить, если вы согласны.

Старик подумал и кивнул.

Когда они вышли, Александр задержался на крыльце.

— Ты проверишь и моё поручение? — спросил он.

— Да.

— Даже если подтвердится, что я нарушил порядок?

— Именно тогда и проверю.

Он не попросил смягчить запись и не стал объяснять, почему его подпись оказалась не там, где должна была быть. Марина убрала копию квитанции в папку отдельно от листа без отправителя. Теперь у неё было независимое свидетельство о пути регистрационной книги — и причина выяснить, какое поручение Александр не помнил или не хотел помнить.

До управы они дошли не сразу. Александр предложил свернуть к переплётной мастерской, но Марина покачала головой: квитанцию Лукин согласился показать им, а не отдавать.

Пока у них была только копия, заверить которую старик ещё не успел. Она не хотела, чтобы дорога по городу превратилась в удобное объяснение тому, почему они не пришли туда, где хранились записи о поручениях.

— Сначала проверим твою подпись, — сказала она. — Потом решим, куда идти дальше.

Александр поправил ворот пальто. Он не спорил, но последние несколько улиц шёл молча, придерживая папку под локтем. У входа в управу Марина остановилась и посмотрела на него.

— Ты помнишь, зачем ходил в тот день в другой конец города?

— Помню само поручение. А вот даты не помню.

— Это не одно и то же.

— Знаю.

В приёмной пахло мокрыми пальто и остывшей золой. За столом сидела писарь, которую Марина уже встречала во время дела Агафьи. Та узнала их, но не стала расспрашивать. Когда Марина попросила поднять журнал выдачи поручений за нужный день, писарь нахмурилась.

— Архив уже закрыт на обед.

— Мы подождём.

— Дело не в том, что вы торопитесь или нет, — отозвалась женщина. — Книга у заведующего. И он распорядился не выдавать её без письменного запроса.

Марина достала из папки бланк. Заполнила его на месте: указала дату, номер поручения, имя Александра и цель сверки — установить местонахождение исполнителя. В графе основания написала, что обнаружено независимое свидетельство о хранении регистрационной книги в переплётной мастерской на сутки дольше, чем предполагалось. Отдельно отметила: содержание свидетельства не доказывает нарушения, а требует проверки хронологии.

Александр стоял рядом и читал через её плечо.

— Ты могла бы не писать про меня так подробно.

— Тогда запрос не объяснял бы, зачем нам нужна запись.

— Я не просил скрыть её.

— Вот и хорошо.

Писарь взяла лист, сверила подпись Марины с прежним запросом и ушла за внутреннюю дверь. Вернулась она не одна: с ней вышел сухощавый заведующий в жилете, застёгнутом на одну пуговицу. Он прочёл запрос, задержал взгляд на фамилии Александра и спросил:

— Вы сами подписывали поручение?

— Да, — ответил тот.

— А исполняли?

Александр не отвёл глаз.

— Этого я пока не могу утверждать.

Заведующий поджал губы, будто услышал ответ, который ему не понравился, но возразить на него было нечего. Он провёл их в комнату с высоким шкафом и положил на стол раскрытый журнал. Писарь осталась у двери.

Запись нашлась на странице за нужное число. Имя Александра было вписано рукой дежурного; ниже стояли номер поручения и отметка о выдаче. Место назначения — склад управы у северного моста. В строке о возвращении значилось: «исполнено», а рядом стояла подпись Александра.

Марина прочла дату, затем сверила номер с отметкой в его старой папке. Номер совпал.

— Ты был на складе? — спросила она.

Александр смотрел на запись.

— Не помню.

— Но подпись твоя?

Он наклонился, не касаясь страницы.

— Похожа.

— «Похожа» или твоя?

— Моя, — сказал он после короткой паузы. — Я так подписывался.

Заведующий шумно перевернул страницу.

— Тут всё ясно. Поручение выдано, поручение исполнено.

— Ясно только, что запись сделана, — сказала Марина. — Нам нужно узнать, что именно он должен был забрать и кто принял бумаги на складе.

— У вас нет основания сомневаться в журнале.

— Я не сомневаюсь. Я сверяю его с квитанцией переплётчика и словами человека, который книгу держал у себя лишний день.

Заведующий замер, и Марина заметила, как Александр чуть повернул голову к ней. Он не вмешался.

— Какую книгу? — спросил заведующий.

— Регистрационную. Лукин подтвердил, что после первого срока оставил её в мастерской ещё на день и записал расход материалов. Мы просили копию его квитанции. В ней указана дата повторной починки.

— Ваш свидетель может ошибаться.

— Может. Поэтому мы не внесли его слова как доказанный факт.

Она попросила показать само поручение, а не только запись о нём. Заведующий отказался: оригиналы выдавались по разрешению управляющего. Марина не стала настаивать. Она записала номер страницы, дату и имя дежурного, который внёс отметку, после чего попросила заверенную выписку. Заведующий сказал, что её подготовят к концу дня.

— А кто принял исполнение? — спросил Александр. — В журнале нет имени.

— Значит, в этом экземпляре не указано, — ответила Марина. — Это не означает, что приём не оформляли отдельно.

Он посмотрел на строку с подписью.

— Я мог отвезти что-то на склад. Только не книгу.

— Что именно ты помнишь?

Александр потёр большим пальцем край перчатки.

— В тот день мне дали запечатанный пакет. Сказали отнести его в управу, не вскрывая. Я отнёс. Кажется, это было раньше, чем я подписал другое поручение.

— Кажется?

— Да.

— Где пакет?

— Не знаю. Его забрали в приёмной.

Заведующий захлопнул журнал.

— Если вы хотите поднять старое дело, подавайте отдельное заявление. Но имейте в виду: подпись сотрудника под отметкой об исполнении означает ответственность за исполнение.

— Я понимаю, — сказал Александр.

На улице он не стал сразу надевать перчатки. Марина остановилась у ступеней, вынула блокнот и записала, что они видели: номер поручения, текст строки, отсутствие имени принявшего. Александр ждал, не заглядывая ей под руку.

— Тебя могли заставить подписать, не проверив содержимое, — сказала она.

— Могли.

— Или ты сам поставил подпись после того, как отнёс пакет, а не сверил, куда его записали.

— Тоже мог.

— Но ты не помнишь.

— Нет.

Он произнёс это без попытки смягчить. Марина закрыла блокнот. Теперь расхождение было не только чужой старой датой: под отметкой об исполнении поручения на склад у северного моста стояла подпись Александра. Она ещё не доказывала, что он передавал книгу, но уже делала его частью цепочки, которую им предстояло восстановить.

— Выписку получим сегодня, — сказала Марина. — Потом пойдём к Лукину и попросим заверить копию квитанции. После этого запросим само поручение и запись о приёме.

— А если там окажется, что я действительно забрал книгу?

— Тогда в журнале будет ещё одна запись, а не признание на словах.

Александр наконец натянул перчатки.

— Ты не станешь решать за меня, что я должен сказать?

— Нет. Но я и не стану записывать то, чего ты не подтвердил.

Он кивнул. На этот раз между ними не возникло ни благодарности, ни облегчения — только ясное понимание, что следующая проверка может обернуться для него официальным обвинением в нарушении порядка, если запись подтвердится. Марина убрала блокнот и направилась к конторе за письменным запросом на оригинал поручения. Александр пошёл рядом, не пытаясь взять папку из её рук.

Марина вошла в контору первой, положила папку на стол и сразу достала чистый бланк запроса. Александр остался у двери, пока она снимала пальто. Он не оглядывался, но по тому, как держал плечи, было видно: разговор с ним уже состоялся — теперь ему предстояло ждать решения бумаги.

— Имя адресата? — спросил он.

— Архив управы. Отдел регистрационных книг и поручений.

— А если книги там нет?

— Тогда запросим запись о передаче. Если нет записи — зафиксируем отсутствие.

Она написала дату, номер поручения и название регистрационной книги. В графе основания указала: «Проверка соответствия регистрационных сведений документам, представленным в связи с делом о подмене поручения». Александр подошёл, когда она закончила, и прочитал лист, не касаясь его.

— Укажи, что оригинал отметки находится у меня, — сказал он.

— Она не заверена.

— Но она существует.

Марина подняла глаза.

— Существование бумаги и её происхождение — разные вещи.

— Поэтому я и показываю её тебе.

В его голосе не было раздражения. Это оказалось неприятнее, чем если бы он спорил. Марина добавила в запрос: «К заявлению прилагается копия листа из личного архива Александра Белого; подлинность копии подлежит проверке по месту хранения оригинала». Затем поставила дату и расписалась.

Александр подписал заявление ниже.

— Теперь можно идти к Лукину, — сказала она.

— Ты всё-таки хочешь, чтобы я присутствовал?

— Я не могу обязать тебя приходить на разговор, который может касаться твоей подписи.

— Значит, спрашиваешь?

— Да.

Он застегнул пальто.

— Тогда иду.

Дорога до управы заняла меньше четверти часа. Дождь кончился, но с крыш всё ещё падали редкие тяжёлые капли. На мостовой блестели колеи, у булочной пахло ржаным хлебом

и горячим углём. Александр шёл рядом, не пытаясь подстроить шаг. Между ними оставалось расстояние, которое Марина не собиралась сокращать из вежливости.

В архивной комнате было душно. Лукин сидел за высоким столом и переписывал номера с узких карточек. Увидев Марину, он отложил перо.

— Опять по старым книгам?

— По конкретной записи. Нам нужна выписка из журнала приёма и копия квитанции о передаче регистрационной книги в переплётную мастерскую.

— Номер?

Марина назвала его. Лукин нахмурился, затем потянул к себе толстую связку карточек.

— Это не дело Агафьи?

— Связанное с ним. Но не то же самое.

— Я понял.

Он нашёл карточку не сразу. Развернул журнал, провёл пальцем по строкам и поднёс лист ближе к окну.

— Запись есть, — сказал Лукин. — Но квитанция не в этой папке.

— Где она?

— В книге приложений. Если её не забрали на проверку.

Александр стоял у двери. Марина заметила, как он посмотрел на номер, когда Лукин назвал его вслух.

— Покажите запись целиком, — сказала она.

Лукин развернул журнал. В строке значилось: «Книга регистрационная, казённая, передана для переплёта». Дата стояла на два дня раньше той, что была указана на листе Александра. В графе ответственного значились инициалы, а в графе примечаний — короткая помета: «Через Б.».

Марина наклонилась над страницей.

— Что означает «через Б.»?

— Обычно фамилию сокращали, если человек приносил бумаги от другого отдела.

— Обычно — это не ответ.

Лукин поджал губы.

— Я не составлял весь журнал. Только эту запись внёс по указанию.

— Но вы работали здесь в тот день?

— Работал.

— Вы видели эту передачу?

Он посмотрел на Александра, потом снова на Марину.

— Видел пакет.

— Кому вы его передали?

— Не мне передали. Я принял его на столе, проверил опись и отдал дальше.

— Кому?

Лукин помолчал.

— Александру Белому.

В комнате стало слышно, как в соседнем помещении перелистывают бумаги.

Марина не повернула головы к Александру.

— Вы уверены?

— Уверен настолько, насколько можно быть уверенным спустя несколько месяцев. Он тогда служил при управе и приносил поручения из канцелярии. На пакете стояла печать.

— Вы видели, что внутри была регистрационная книга?

— Нет. Пакет был перевязан.

— Тогда почему в журнале указано, что книга передана через него?

— Потому что так мне сказали записать.

— Кто?

Лукин снял очки и протёр стекло краем рукава.

— Старший делопроизводитель Вяземский.

Фамилия ничего Марине не сказала. Она сделала помету на полях запроса.

— Вяземский сейчас работает в управе?

— Нет. Уволился осенью.

— По какой причине?

— Не знаю.

— А квитанция?

— Я поищу.

Лукин поднялся и прошёл к шкафу. Ключ он вынул из связки, висевшей на поясе. Пока он отпирает дверцу, Александр подошёл к журналу.

— Здесь дата не совпадает, — сказал он.

Марина остановила его взглядом.

— Не трогай страницу.

— Я не трогаю.

Лукин принёс узкую книгу в серой обложке, положил её на стол и раскрыл по закладке. Внутри оказалась квитанция, сложенная пополам и приклеенная к листу.

— Вот.

Марина прочитала. Квитанция была выписана на мастерскую, но дата совпадала не с записью в журнале и не с листом Александра. Она стояла между ними: на следующий день после журнальной отметки и за день до подписи Белого.

— Кто расписался в получении? — спросила она.

— Здесь нет подписи получателя. Только отметка о выдаче.

— А ваша подпись?

— Моя.

Александр наклонился, и его лицо стало серым.

— Я не забирал книгу в этот день.

Лукин посмотрел на него внимательно.

— Вы забирали пакет.

— Пакет — не книга.

— Я этого и не говорил.

Марина положила ладонь на край страницы.

— Александр, что именно вы делали в управе в день, который стоит на вашей подписи?

Он ответил не сразу.

— Относил поручения в канцелярию. Потом возвращался в контору. По крайней мере, так помню.

— А подпись на листе?

— Моя.

Лукин перевёл взгляд с одного на другого.

— Подпись стоит под отметкой о передаче книги в мастерскую.

— Вы видели, как я её ставил?

— Нет.

— Тогда вы видели меня раньше, когда я принёс запечатанный пакет.

— Да.

Марина записала каждую формулировку. Она не позволила словам соединиться в готовое обвинение, но прежняя версия уже рассыпалась: Александр мог не забирать книгу, однако его рука подтверждала участие в передаче, а свидетель связывал его с пакетом до появления квитанции.

— Нам нужна заверенная копия этой страницы и журнала, — сказала Марина. — И письменное подтверждение, что оригинал квитанции хранится здесь.

Лукин кивнул, но не взялся за перо.

— Если я заверю, меня вызовут.

— Возможно.

— А если выяснится, что я тогда принял не ту книгу?

— Тогда это будет указано отдельно.

Он посмотрел на Александра.

— А вас вызовут первым.

— Знаю, — ответил тот.

Марина закрыла блокнот.

— Нам также нужен адрес Вяземского.

Лукин долго молчал, потом открыл нижний ящик стола и достал старую карточку. На обороте карандашом был записан адрес в Заречном переулке.

— Я не знаю, живёт ли он там сейчас, — сказал Лукин. — Но это последний адрес.

Марина переписала его. Александр не двинулся с места.

— Ты слышала, — произнёс он тихо, — я не помню этого разговора, но моя подпись там.

— Слышала.

— И если Вяземский скажет, что передавал мне книгу...

— Тогда проверим его слова по датам, журналам и другим документам.

— А если других документов нет?

Марина подняла на него взгляд.

— Тогда твоё участие останется установленным только в той части, которую подтверждает бумага. Не больше.

Он кивнул, однако облегчения в лице не появилось. Лукин начал переписывать выписку, а Марина впервые ясно увидела личный риск Александра: теперь вопрос был не в том, сможет ли он помочь ей восстановить чужую историю. Если его подпись окажется последним звеном цепочки, ему придётся отвечать за то, чего он не помнил.

Лукин подписал выписку не сразу. Он перечитал её, сверил номер страницы с журналом, затем поставил подпись и дату. Марина дождалась, пока чернила перестанут блестеть, и убрала лист в папку отдельно от своей записи. Квитанцию Лукин согласился показать ещё раз, но заверять её копию отказался: для этого требовалось разрешение управы.

— Я подам запрос сегодня, — сказала Марина. — Укажите, что оригинал находится у вас и до ответа никуда не передавался.

— Укажу. Но не обещаю, что ответят быстро.

— Скорость не заменит записи.

Лукин коротко усмехнулся, будто услышал знакомую профессиональную упрямость, и вернулся к столу.

На улице Александр остановился у ступеней. Утро уже успело перейти в сырую серую полуденность; на мостовой темнели колеи, а с крыш капало в жестяные водостоки.

— Адрес старый, — сказал он. — Мы не знаем, найдём ли Вяземского.

— Зато знаем, где искать первым.

— Ты поедешь со мной?

Марина поправила застёжку папки.

— Я поеду не с тобой, а к свидетелю. Если ты не хочешь, чтобы я присутствовала, скажи сейчас.

Он посмотрел на неё, не сразу ответил.

— Хочу, чтобы ты слышала всё сама. Но не стану просить считать меня надёжным только потому, что я привёл тебя туда.

— Хорошо.

Они взяли извозчика у перекрёстка. Заречный переулок начинался за рынком, где продавцы уже складывали под навесы пустые корзины. Возница высадил их у поворота: дальше улица была перекопана, и колёса вязли в размокшей земле. Марина сверилась с карточкой. Дом Вяземского стоял через два двора, низкий, с узкими окнами и вывеской сапожника над соседней дверью.

На стук открыла пожилая женщина в тёмном переднике. Она узнала фамилию, но на пороге оставила их обоих.

— Николая Петровича нет. И неизвестно, когда будет.

Александр назвал. Женщина задержала взгляд на его лице, потом перевела его на Марину.

— Вы из управы?

— Нет, — ответила Марина. — Я веду проверку старой записи о передаче регистрационной книги. Нам нужно задать господину Вяземскому несколько вопросов. Мы не просим его ничего подтверждать без документов.

— Он не любит старые дела.

— Это его право. Тогда мы оставим адрес, куда ему ответить.

Женщина помолчала и приоткрыла дверь шире.

— Подождите здесь.

Она скрылась в коридоре. Из глубины дома донёсся кашель, затем скрип стула. Через минуту женщина вернулась.

— Он дома. Но беседовать будет недолго.

Вяземский оказался сухим, седым человеком с тонкими пальцами и жилетной цепочкой без часов. Он не предложил гостям сесть, пока не увидел бумаги. Марина показала выписку Лукинского журнала, не отдавая её из рук.

— Вы работали в переплётной мастерской? — спросила она.

— Работал. Давно.

— В таком случае вы, возможно, помните передачу регистрационной книги. Вот дата. Вот отметка управы о том, что книгу передали для переплёта.

Вяземский поднёс лист к окну.

— Почерк Лукинский.

— Он заверил выписку сегодня. Оригинал квитанции хранится у него.

— И что вы хотите от меня?

— Установить, кто передал книгу и когда она вернулась.

Вяземский опустил бумагу.

— Книгу приносил Белый.

Александр не перебил.

— Вы уверены, что это был именно он? — спросила Марина.

— Уверен. Он пришёл вечером, с пакетом под мышкой. Попросил переплести корешок и сказал, что завтра книгу заберут для управы. Я записал его фамилию в своей книге приёмов.

— Какого числа?

— Того, что указано у вас.

— Вы видели саму книгу?

— Видел. На обложке была надпись.

Марина записала ответ и дату, затем спросила:

— Кто забирал её из мастерской?

Вяземский посмотрел на Александра.

— Вы.

— Я не помню этого, — сказал тот.

— Память у вас всегда была неважная на лица, зато подписи ставили исправно. Александр побледнел, но остался на месте.

Марина не позволила замечанию стать доказательством.

— Вы лично видели, как он забирал книгу?

— Нет. Я закрыл мастерскую до полудня. Вернулся после обеда, а книга уже лежала на столе в обёртке. Рядом была квитанция о выдаче.

— Вы видели, кто принёс её обратно?

— Не видел.

— Тогда откуда знаете, что забрал именно Александр Белый?

Вяземский раздражённо постучал пальцем по подоконнику.

— Я прочёл квитанцию. Там было его имя.

Марина подняла глаза от блокнота.

— На квитанции было написано, что книга выдана ему. Это не устанавливает, кто принёс её в мастерскую. И не доказывает, что он забрал её лично.

— Разве не одно и то же?

— Нет. Вы сказали, что он принёс книгу до ремонта. О выдаче вы знаете только по бумаге.

В комнате стало тихо. За перегородкой кашлянули. Вяземский посмотрел на выписку, словно впервые заметил, как мало она подтверждает.

— Я думал, вы пришли узнать, кто взял книгу, — сказал он.

— Мы пришли выяснить, что именно вы видели.

— Тогда я видел Белого с пакетом. И видел квитанцию, когда вернулся.

Марина занесла оба наблюдения в блокнот отдельно, отметив время со слов Вяземского. Затем попросила описать пакет. Тот ответил, что он был серый, перевязан бечёвкой, обычный для мастерской. Ни печати, ни номера, ни метки он не запомнил.

Когда Марина закрыла блокнот, Александр спросил:

— Вы сохранили книгу приёмов?

— Нет. В мастерской давно другой хозяин.

— А записи?

Вяземский отвёл взгляд.

— Старые книги я продал за макулатуру. Той весной.

Марина убрала выписку в папку.

— Тогда ваше свидетельство подтвердит только то, что вы сейчас рассказали. Мы не станем выдавать его за запись, которой больше нет.

— А меня вызовут?

— Возможно.

Вяземский посмотрел на Александра.

— Если бы я знал, что из-за той книги столько шума...

— Вы не обязаны отвечать за то, чего не знали, — сказала Марина. — Но за свои сегодняшние слова отвечаете.

Он кивнул, не выражая ни согласия, ни облегчения.

На крыльце Александр задержался, пропуская Марину вперёд. Вяземский подтвердил, что он принёс книгу в мастерскую, но не видел, кто её забрал. Свидетельство не оправдывало Александра и не связывало его с исчезновением книги так, как могло показаться сначала. Зато дата теперь стояла рядом с его именем не только в его собственной папке.

— Ты знал, что это может быть ты? — спросила Марина.

— Нет.

— Но допускал, что подпись означает больше, чем ты помнишь.

— Да.

Она не стала отвечать сразу. Внизу переулка возница уже ждал их, придерживая лошадь за уздечку.

— Я не могу решить за тебя, что значит эта подпись, — сказала Марина. — И не стану решать за документы.

— Понимаю.

— Тогда поедem в управу. Попросим оригинал квитанции и проверим, есть ли там отметка о том, кто принял книгу после ремонта. Пока это единственный следующий шаг, который не зависит от твоих воспоминаний.

Александр открыл дверцу извозчика, но не протянул ей руку. Марина села сама и положила папку на колени, крепко придерживая застёжку. Он устроился напротив. Между ними осталось достаточно места, чтобы не притворяться, будто осторожность уже превратилась в доверие.

В управе их пропустили не сразу. В приёмной пахло мокрыми пальто и горячим клеем; у стены двое просителей спорили вполголоса о неверно начисленной пошлине. Марина назвала дело и попросила журнал выдачи квитанций за нужную весну. Чиновник за стойкой выслушал её, посмотрел на Александра и снова на неё.

— Архивариус занят.

— Мы подождём, — сказала Марина. — Нам нужно сверить одну дату. Если журнал нельзя выдать, пусть он сам посмотрит запись при нас.

Чиновник повёл плечом, будто это было лишнее затруднение, но всё же скрылся за дверью. Александр остался у окна. Он не пытался заговорить с Мариной; рассматривал стекло, за которым дождевые струйки сбегали по подоконнику, и держал перчатки в одной руке. На коленях у неё лежала папка с выпиской Вяземского. Застёжка была закрыта.

Архивариус появился минут через десять — сухощавый человек с чернильным пятном на манжете. Он выслушал просьбу, уточнил дату передачи книги и спросил, на каком основании Марина хочет сверять документы.

— На основании того, что у нас есть отметка о передаче регистрационной книги в переплётную мастерскую, — ответила она. — И свидетельство человека, который отнёс её туда. Мы не просим выдать нам журнал. Только показать запись.

— Книга старая, — сказал архивариус. — В таких делах легко спутать номера.

— Поэтому мы и пришли проверить номер, а не сделать вывод по памяти.

Он повёл их в небольшую комнату за канцелярией. На столе уже лежали две стопки бумаг, скреплённые тесёмкой. Архивариус снял с нижней связку, развернул ткань и достал журнал с потёртой тёмной обложкой. Александр сел напротив Марины, оставив между ними свободный край стола.

— Какой именно год? — спросил архивариус.

Марина назвала. Он нашёл нужный раздел не сразу: несколько листов слиплись по краю, и их пришлось осторожно разъединить костяной лопаткой. Затем провёл пальцем по столбцам, остановился и повернул журнал к себе.

— Вот. Передача в мастерскую.

Марина наклонилась, не касаясь страницы. Запись была короткой: номер книги, число, назначение. В графе получателя стояли инициалы и фамилия Белого. Ниже значился срок возврата, но графа о приёмке после ремонта оставалась пустой.

Александр не отвёл взгляда.

— Это моя подпись.

— Вы уверены? — спросила Марина.

— Да.

Архивариус достал из папки квитанцию и положил рядом с журналом. На ней повторялись номер и дата; выцветший оттиск управы проступал через бумагу неровным кругом. Подпись Белого была разборчивее, чем в его собственной выписке.

— Здесь указано, что книга принята мастерской, — сказал архивариус. — Но обратной отметки нет.

— А кто должен был её поставить? — спросила Марина.

— Обычно служащий, который забирал книгу. Иногда мастерская присылала подтверждение позже.

— Оно есть?

Архивариус перелистал несколько страниц в подшивке входящих бумаг, сверился с описью и покачал головой.

— В этом деле нет.

Марина записала номер квитанции и дату. Она не стала спрашивать Александра, почему тот не помнил подпись: ответ уже прозвучал в переулке, а повторение ничего бы не добавило. Важнее было понять, что означала пустая графа и кто мог её оставить пустой.

— Можно увидеть ведомость о возврате книг за тот же срок? — спросила она. — Даже если в ней нет этой записи, нам нужно понимать, что именно считалось подтверждением возврата.

Архивариус посмотрел на часы.

— Это уже другой раздел.

— Тогда покажите его отдельно.

Он поднялся, оставив журнал открытым под тяжёлой деревянной линейкой. Когда дверь закрылась, Александр наконец заговорил:

— Я принёс книгу сам. Этого я не отрицал.

— Ты сказал, что не помнишь, что именно подписывал.

— Не помнил.

— Теперь помнишь?

— Помню мастерскую. Не помню, кто принял книгу и что было дальше.

Марина посмотрела на него поверх записей.

— Разница существенная.

— Я знаю.

— Нет, Александр. Ты знаешь, что она существенная сейчас. Тогда ты не проверил, что случилось с книгой после передачи.

Он сжал перчатки, потом разжал пальцы.

— Я вернулся в управу и оставил квитанцию в папке. Мне сказали, что книгу пришлют обратно. Я не спросил, кто её заберёт.

— Кто сказал?

Александр задумался. Марина видела, как он перебирает в уме имена, не желая подставить первого, кто покажется подходящим.

— Не помню. Возможно, делопроизводитель. Возможно, мастер.

— «Возможно» мы в запись не внесём.

— Не надо.

Она вписала в блокнот только то, что они могли подтвердить: дата передачи, номер книги, подпись Белого, отсутствие отметки о возврате в просмотренных материалах. Имени получателя не было. Пока.

Архивариус вернулся с ещё одной связкой. Он разложил на столе две ведомости. Одна учитывала книги, отправленные на переплёт, другая — принятые обратно. В первой нужный номер стоял напротив фамилии Белого. Во второй этот номер отсутствовал.

— Может быть, книгу внесли под другим номером? — спросила Марина.

— Такое случалось, — ответил архивариус. — Но тогда обычно оставляли ссылку на прежнюю запись.

Он открыл ведомость на соседней странице. Там несколько номеров были исправлены; возле каждой поправки стояли дата и инициалы служащего. Возле строки о книге, которую передал Александр, не было ни исправления, ни ссылки.

— Значит, подтверждения возврата в ведомости нет, — сказала Марина. — Это не доказывает, что книгу не вернули. Но и подтвердить возврат вы не можете.

— Именно.

Александр медленно провёл ладонью по колену.

— Если книга не вернулась, отвечать буду я.

— Не ты один, — сказал архивариус. — Тут должна быть подпись принимающего.

— А если её нет? — спросил Александр.

Архивариус не ответил сразу. Он аккуратно закрыл журнал, но не убрал его.

— Тогда придётся выяснять, кто вёл книгу и кто отвечал за отметки. Это не решается одной строкой.

Марина записала и это — не как вывод, а как объяснение сотрудника управы. Затем попросила заверить копии страниц с записью о передаче и ведомости возврата. Архивариус согласился после того, как она указала в заявлении цель запроса и обязалась не выдавать копию за доказательство того, что именно произошло в мастерской.

Пока он заполнял бланк, Александр сидел неподвижно. Марина не предложила ему утешительных слов. Отсутствие имени в графе не снимало с него ответственности за книгу, которую он передал; но оно не позволяло назвать его человеком, забравшим её обратно или намеренно скрывшим исчезновение. Между этими утверждениями оставалось расстояние, и теперь его нельзя было преодолеть одной догадкой.

Архивариус поставил печать на двух копиях и подвинул их через стол. Марина сверила каждую с оригиналом, внесла номера листов в блокнот и убрала бумаги в папку.

— В мастерской уже другой хозяин, — сказал Александр, когда они вышли в коридор.

— Вяземский сказал, что старые книги продал. Это пока его свидетельство, не подтверждение продажи.

— Значит, запись о возврате мы не найдём.

— Мы не знаем, что найдём. Знаем только, что управская ведомость молчит.

Он кивнул, принимая поправку без спора. У лестницы Марина остановилась и проверила застёжку папки. Копия ведомости лежала поверх выписки Вяземского, две бумаги не соприкасались.

— Сегодня я внесу это в запись, — сказала она. — Отдельно от твоих воспоминаний.

— Хорошо.

— И дальше будем выяснять не то, кто выглядит виноватым, а кто мог принять книгу.

Александр посмотрел на копию, которую она придерживала ладонью.

— Я помогу.

— Пока это значит только то, что ты ответишь на вопросы и не будешь просить меня смягчать запись.

— Понимаю.

Они спустились к выходу. На крыльце Александр задержался, чтобы пропустить Марину, и она вышла первой. Дождь почти закончился, но с карниза ещё падали редкие тяжёлые капли. На ступенях она остановилась, достала блокнот и рядом с номером квитанции дописала: «Возврат в ведомости не отмечен. Получатель не установлен».

Теперь у неё было независимое подтверждение того, что Александр отнёс книгу в мастерскую. И впервые его старая подпись связывала его не только с передачей, но и с обязанностью, которую он тогда не проверил.

Глава 3. Подпись неизвестного получателя

К мастерской они добрались до полудня. Дождь ушёл из улиц, но не из воздуха: между домами висела влажная серость, камни блестели, а с крыш иногда срывались капли и разбивались о жестяные козырьки.

Александр шёл на полшага впереди. Он не торопился и не оглядывался, будто заранее знал, что Марина всё равно заметит каждую дверь, каждый вывесочный крюк и каждое окно, за которым можно было спрятать нежелательный разговор.

— Ты бывал здесь после той передачи? — спросила она.

— Один раз. Через несколько дней.

— Зачем?

— Забрать другой переплёт. Тогда я спросил о книге, но мастер сказал, что заказ ещё в работе.

— Кто именно сказал?

Александр замедлил шаг.

— Не помню. Мужчина лет пятидесяти. Седина на висках. Он работал за столом у окна.

— Значит, ты не видел журнала?

— Нет.

— И не потребовал расписку о принятии?

Он посмотрел на неё, и в его лице появилось то выражение, которое Марина уже научилась узнавать: не попытка оправдаться, а момент, когда человек перестаёт искать удобное объяснение.

— Нет, — ответил он. — Не потребовал.

Мастерская находилась во дворе, за аркой с облупившимся гербом прежнего владельца дома. Над дверью висела деревянная табличка: «Переплёт. Ремонт книг. Бумажные работы». Буквы потемнели от дождей, но были вырезаны глубоко, на совесть.

Александр взялся за ручку и остановился.

— Войти могу я?

— Войти можем мы оба. Вопросы задавать буду я.

— Хорошо.

Он открыл дверь.

Внутри пахло клеем, кожей и сухой пылью. У стены стояли стеллажи с прессами, мотками ниток и стопками картона. На длинном столе лежали раскрытые книги, прижатые металлическими линейками. За окном, действительно у окна, работал седоволосый мужчина. Он поднял голову, отложил костяной нож и вытер руки о фартук.

— Александр Белый, — сказал он. — Давно тебя не было.

— Добрый день.

Мужчина посмотрел на Марину, потом на её блокнот.

— А это проверка?

— Уточнение по старому заказу, — сказала Марина. — Мне нужна книга, которую господин Белый передал вам прошлой осенью.

— Какую именно?

— Переплёт с тёмно-зелёной крышкой. Внутри — рукописные записи и лист с гостиничным реестром. Книга принадлежала отелю на Заречной.

Семён Андреевич нахмурился.

— Много через меня книг проходит.

— Тогда начнём с журнала приёма. Номер квитанции у нас есть.

Александр положил на стол сложенный лист. Мастер не прикоснулся к нему сразу. Сначала посмотрел на Александра.

— Ты разве не забрал её?

— Нет.

— Забрал, — спокойно сказал Семён Андреевич. — Я помню.

Марина не записала это утверждение. Она достала копию журнала и развернула рядом.

— Память сейчас оставим отдельно. Покажите, пожалуйста, книгу учёта за октябрь.

Мастер недовольно поджал губы, но спорить не стал. Он прошёл к шкафу, снял с верхней полки толстую тетрадь в серой обложке и положил её на стол. Пыль поднялась тонким облаком и осела на зелёной коже лежавшего рядом переплёта.

Марина раскрыла журнал. Страницы были исписаны ровными строками. В графах стояли дата, имя заказчика, описание работы, сумма и отметка о выдаче. Она нашла нужный месяц, провела пальцем по строкам, пока не увидела номер.

— Вот эта запись.

Александр наклонился, но не коснулся бумаги.

«Книга отеля. Переплёт — восстановить корешок, заменить тесьму. Принято от А. Белого».

Ниже, в графе оплаты, стояла сумма. В графе выдачи — пусто.

— Это ваша запись? — спросила Марина.

— Моя.

— Что означает инициалы в конце?

— Книгу приняли от Александра. Я тогда отлучался.

— А почему господин Белый сказал, что передал книгу вам?

Семён Андреевич пожал плечами.

— Значит, передал не мне. Рабочим. У меня тогда двое помогали.

— Фамилии?

— Один ушёл, другой теперь в Рыбинске. Я же не веду на каждого отдельную ведомость.

Марина перевернула страницу. На обороте были приклеены узкие полоски бумаги с номерами заказов. Один номер оказался вырван.

— Ваша книга учёта прошита?

— Да.

— Лист не заменяли?

— Нет.

Она подняла тетрадь, поднесла корешок к свету. Нить проходила через три отверстия, узлы были целыми. Лист с записью нельзя было вынуть, не распустив переплёт.

— Тогда запись подтверждает, что книгу приняли в мастерской, — сказала Марина. — Но не подтверждает, кому именно её передали после приёма и кто должен был вернуть.

— Я же говорю: работали люди.

— Вы сказали, что Александр её забрал.

— Я не мог помнить всё точно.

— Но это было вашим первым объяснением.

Семён Андреевич отвернулся к окну. На стекле дрожали отражения стеллажей.

— Он пришёл и спросил про книгу. Я сказал, что заказ готов. Наверное, перепутал.

— Нет, — тихо произнёс Александр. — Я спросил, можно ли забрать книгу, и вы ответили, что заказ ещё в работе.

Мастер посмотрел на него.

— Прошло почти год.

— Но тогда я вам поверил.

В мастерской стало слышно, как за стеной кто-то двигал ведро. Марина сделала помету, но не подняла глаз.

— Александр, — сказал Семён Андреевич, — если ты тогда не забрал книгу, почему не пришёл снова?

Вопрос был задан без злости. Оттого он прозвучал хуже.

Александр ответил не сразу.

— Потому что поверил вам.

— А потом?

— Потом решил, что книга у владельцев отеля.

Марина закрыла журнал.

— Почему решил?

Он посмотрел на неё.

— Потому что не хотел признать, что не проверил передачу. Мне казалось, если я подожду, всё выяснится само.

— Само ничего не выяснилось.

— Знаю.

Семён Андреевич провёл ладонью по столу, собирая невидимую пыль.

— Я не крал книгу.

— Я этого не сказала.

— Но вы пришли так, будто уже знаете.

— Я пришла за тем, что можно подтвердить. Сейчас подтверждено: книга была принята вашей мастерской в октябре, под номером, который записал ваш сотрудник или вы сами. Подтверждено также: отметки о выдаче нет. Ваше воспоминание о том, что Александр забрал книгу, оказалось ошибочным.

— Ошибочным, — повторил мастер.

— Да.

Александр опустил взгляд на пустую графу.

— Значит, я всё-таки не передал её обратно.

— Этого мы пока не знаем, — сказала Марина. — Мы знаем, что в журнале нет возврата. Это не одно и то же.

— Для человека, который ждал книгу, разница небольшая.

Марина услышала в его голосе не раздражение, а усталость. Он говорил о ком-то, чьё лицо ей пока было неизвестно, но чьи ожидания теперь лежали между ними третьим предметом, рядом с журналом и копией квитанции.

— Кто имел доступ к заказам и журналу? — спросила она.

— Я, брат и сын.

Марина подняла глаза от блокнота.

— А двое помощников, о которых вы говорили?

— Они тоже. Я назвал только своих.

— Мне нужны все, кто мог принять или выдать книгу.

Семён Андреевич назвал обоих помощников. Марина внесла их в тот же список, ниже брата и сына мастера. Одну фамилию записала со слов Семёна Андреевича, вторую — с пометой «требуется подтверждения». Затем спросила, где хранятся старые готовые работы.

Мастер указал на закрытый шкаф.

— Там ничего не осталось?

— Не знаю. После зимы я переносил заказы.

— Откройте.

— Вы думаете, книга всё это время лежит у меня?

— Я думаю, что пока не проверила шкаф, это нельзя утверждать ни в одну сторону.

Семён Андреевич достал ключ из кармана. Он открыл замок, отступил, и Марина сама начала перебирать свёртки. Она читала ярлыки, сверяла номера, откладывала пачки на свободный стул. Александр стоял рядом, но не вмешивался.

На нижней полке лежала узкая коробка без подписи. Внутри оказался не реестр, а старый счёт за замену кожаного корешка. Номер совпадал с номером из журнала. Дата работы стояла на три дня позже приёма.

Марина положила счёт рядом с записью.

— Работа была выполнена.

Семён Андреевич наклонился к бумаге.

— Видимо.

— Кто выполнил?

Внизу, под суммой, стояла короткая подпись: «П. Л.» Марина посмотрела на список помощников.

— Это кто?

Мастер молчал.

Александр поднял голову.

— Пётр Ладыгин?

— Он больше у меня не работает.

— Почему?

— Сам ушёл.

— Когда?

— После того заказа.

Марина записала дату увольнения со слов мастера и закрыла блокнот.

Теперь прежнее объяснение рассыпалось окончательно: книга не пропала до мастерской и не была просто забыта на чужом столе. Её приняли, работу по ней отметили, а затем кто-то снял с себя обязанность вернуть её, оставив в журнале пустое место.

За дверью мастерской шумел двор, но Александр ещё долго не двигался.

— Ты знал, что работа была выполнена? — спросил он.

— Нет.

— Почему не сказал мне, когда я приходил?

Семён Андреевич отвёл взгляд.

— Я не нашёл заказ. Подумал, что ошибся.

— Вы не ошиблись, — сказала Марина. — Вы не проверили.

Мастер ничего не ответил.

Прежде чем снять копию, Марина ещё раз перевернула лист. На обороте, среди приклеенных полосок, нашёлся тот же номер заказа. Она поднесла журнал к свету. Рядом стояли дата — через девятнадцать дней после приёма — и подпись «А. Б.».

— Здесь есть запись о выдаче, — сказала она. — Я её пропустила. Посмотрела пустую графу и решила, что отметки нет нигде.

Александр придвинулся к столу.

— Значит, всё-таки выдали?

— Выдачу записали. Кому отдали книгу и кто расписался, ещё нужно проверить.

Марина зачеркнула в блокноте прежний вывод и переписала запись с оборота, сохранив дату и инициалы. Копии она сняла с обеих сторон листа.

На улице Александр остановился под аркой. Марина убрала копии журнала в папку, а лист с номером заказа оставила сверху, чтобы не потерять связь между документами.

— Ты ведь мог сказать мне, что не уверен, — произнесла она.

— Кому?

— Мне.

Он посмотрел на неё.

— Тогда я ещё не знал, что ты будешь спрашивать именно так.

— Это не ответ.

— Нет. Ответ в том, что я боялся признать: я не просто забыл проверить. Я передал чужую книгу человеку, которого не заставил расписаться, а потом позволил себе поверить его словам. Когда ты нашла первый лист, мне было проще сказать, что я отнёс книгу в мастерскую. Это было почти правдой.

— Почти правда удобнее лжи.

— Знаю.

Марина закрыла папку.

— С этого момента твоё воспоминание о передаче — не доказательство. И моё доверие к твоим объяснениям тоже не может быть доказательством.

Он кивнул.

— Что теперь?

— Найдём Петра Ладыгина и проверим, куда он дел готовую книгу. Но сначала я внесу в запись, что первое объяснение оказалось неверным.

Александр не попытался остановить её.

— Внеси.

Марина пошла к выходу из арки, а он остался на секунду под серым каменным сводом, рядом с дверью мастерской, где его старая подпись всё ещё держала книгу внутри чужого журнала. Затем он догнал её, уже не впереди и не позади, а на расстоянии, которое она сама оставила между ними.

Глава 4. Пуговица с двумя буквами

Наутро Марина пришла в контору раньше обычного. Она успела снять пальто, открыть журнал и переписать номер квитанции на отдельный лист, когда в дверь постучали.

Не дожидаясь ответа, посетитель нажал на ручку. Дверь подалась на ладонь и остановилась.

— Войдите, — сказала Марина.

Мужчина вошёл, снял шляпу и оглядел комнату. Лет ему было около пятидесяти; на воротнике тёмного пальто блестели капли, а перчатки он держал так, будто собирался передать их вместе с поручением.

— Марина Зорина?

— Да. А вы?

— Гавриил Павлович Чернов. Служу при городском архиве. — Он назвал должность, но не стал уточнять, чем именно занимается. — Мне сказали, вы расспрашиваете о старых переплётах и книгах, которые проходили через мастерскую.

Марина закрыла журнал, оставив палец на странице.

— Кто сказал?

Чернов слегка улыбнулся, словно вопрос был ожидаемым, но не заслуживал подробного ответа.

— В Белоречье люди замечают, когда начинают задавать одни и те же вопросы. Особенно если дело касается бумаг, давно не входящих в оборот.

— Я спрашивала о конкретной книге и конкретной квитанции.

— Тем более. — Он положил перчатки на край стола. — По архивным книгам ходят всякие толки. Приписки, старые пометы, ошибки переписчиков. Если сделать из каждой пометы повод для расследования, можно поставить под сомнение половину городских записей.

— Я не делаю выводов по толкам.

— Разумеется. Но иногда людям достаточно одного подозрения, чтобы испортить жизнь добросовестному человеку. Вы ведь понимаете, что такое ответственность за сказанное?

Он произнёс это спокойно, почти участливо. Марина заметила, что Чернов не назвал ни книгу, ни мастера, ни дату. Значит, он пришёл не выяснять, что ей известно, а обозначить границу, за которой вопросы могли стать неудобны.

— Понимаю, — ответила она. — Поэтому записываю, откуда получаю сведения и что именно они подтверждают.

Чернов опустил взгляд на закрытый журнал.

— Тогда вам будет полезно записать и это: никаких оснований тревожить архив нет. Если у вас на руках какие-то копии, лучше передать их мне. Я проверю происхождение и верну, когда разберусь.

Он протянул руку. Не к журналу — к листу с номером квитанции, который лежал рядом. Марина накрыла его ладонью.

— Нет.

Рука Чернова замерла.

— Вы не обязаны решать сейчас.

— Я уже решила. У вас нет поручения на получение моих бумаг. И вы не назвали, какую именно проверку собираетесь провести, по каким записям и с чьего разрешения.

— Вы полагаете, что всякий, кто просит документ, хочет его уничтожить?

— Нет. Но я не отдаю документы человеку только потому, что он обещает разобраться.

В улыбке Чернова не осталось прежней мягкости. Он убрал руку и выпрямился.

— Осторожность похвальна. Но вы можете невольно навредить человеку, которого считаете союзником.

Александра Чернов не назвал. Марина не спросила, кого именно он имел в виду.

— Если у вас есть сведения по делу, изложите их письменно. Я внесу ваше обращение в журнал.

— Мои сведения не для журнала.

— Тогда не для меня.

Некоторое время Чернов рассматривал её, будто пытался понять, изменится ли ответ, если выдержать паузу. Марина не отвела взгляда, но и не стала заполнять тишину.

— Что ж, — сказал он наконец. — Не всякая дверь открывается с первого раза.

Он забрал перчатки. Уже у порога остановился, однако оборачиваться не стал.

— Подумайте о последствиях, прежде чем вовлекать посторонних.

Дверь закрылась. Марина подождала, пока шаги стихнут на лестнице, и только тогда открыла журнал. На полях напротив сегодняшней даты она записала фамилию посетителя, время и его просьбу забрать материалы без письменного поручения. В графе «содержание переданного» поставила прочерк.

Когда она закончила, в коридоре снова послышались шаги, на этот раз осторожные. Постучали дважды.

На пороге стоял пожилой мужчина в вытертом сером жилете. Марина узнала его не сразу — не по лицу, а по кожаному футляру для очков, который он держал обеими руками. Она видела его у мастерской: тогда он вышел оттуда прежде, чем Александр успел задать вопрос.

— Вы меня помните? — спросил он.

— Видела у мастерской. Но не знаю вашего имени.

— Семён Андреевич Власов. Я там работал. Не мастером, так, при переплётах: бумагу резал, клей варил, книги принимал, если хозяин отходил.

Он не вошёл, пока Марина не отступила от двери.

— Вы слышали, что я ищу? — спросила она.

— Слышал. И ещё видел утром господина Чернова. Он заходил к бывшему хозяину мастерской. Меня там не было, — поспешно добавил Власов. — Это я не утверждаю. Но после его визита хозяйка сказала, что мне лучше не вспоминать старые дела.

— Она просила вас солгать?

— Нет. Просила не вмешиваться. Это не одно и то же.

Марина указала на стул. Власов сел не сразу, сперва положил футляр на колени и снял очки. На дужке держалась тонкая проволока; он осторожно поправил её ногтем.

— Что именно вы помните о книге?

— Не о книге. О человеке, который за ней приходил. Высокий, в светлом шарфе. Имени я не знаю. Он показал бумагу с печатью и сказал, что забирает заказ. Я видел печать, а текст не читал. Хозяин велел мне принести книгу из сушильного шкафа. Я принёс. Потом ушёл во двор за углём.

— Вы видели, кому её передали?

— Нет. Когда вернулся, книга уже лежала на прилавке, завёрнутая в серую ткань. Я решил, что заказчик забрал её. Через два дня Александр Белый пришёл спрашивать о своём заказе.

Марина не записала: «книгу забрал неизвестный». Власов этого не видел.

— Вы сможете подтвердить это ещё раз, если я задам те же вопросы при хозяйине мастерской?

Власов провёл пальцем по проволоке на дужке.

— Смогу. Не обещаю, что вспомню больше, чем сейчас. Но это я видел сам: человека с печатью и книгу, которую вынул из шкафа по приказу хозяина. Остальное додумывать не стану.

Марина открыла журнал на чистой строке.

— Тогда я запишу ваши слова именно так. Перед тем как подпишете, прочтёте запись и поправите всё, что сформулировано неверно.

— А если я подпишу, Чернов узнает?

— Возможно. Я не могу обещать, что ваша подпись останется неизвестной. Могу обещать, что не передам её ему без основания.

Власов посмотрел на дверь, за которой скрылся Чернов. Потом снова на Марину.

— Пишите, — сказал он. — Только не делайте из меня свидетеля того, чего я не видел.

Марина подвинула к себе лист и начала записывать. Когда она дошла до слов о серой ткани, Власов остановил её.

— Не «завёрнута». Я сказал: лежала на прилавке, ткань была рядом. Может, он собирался завернуть.

Марина перечеркнула слово одной линией и внесла поправку. Власов прочитал запись дважды, медленно, шевеля губами. Потом подписал её и добавил дату.

Это не объясняло, кто забрал книгу и почему в ведомости не оказалось возврата. Зато теперь у Марины был добровольный свидетель, готовый подтвердить виденное под собственным именем, а у Чернова — не единственный голос в деле.

Власов убрал очки в футляр и поднялся.

— Я не хочу, чтобы из-за меня кому-нибудь навредили.

— Я тоже, — сказала Марина. — Поэтому не стану называть ваше свидетельство доказательством передачи книги. Оно доказывает только то, что вы описали.

Старик кивнул. На этот раз у двери он не задержался. Марина дождалась, пока его шаги удалятся, закрыла журнал и убрала подписанный лист в отдельную папку. Затем приписала на обложке имя Власова и поставила дату.

Когда Александр пришёл, она сидела за столом.

— У нас появился свидетель, — сказала она. — Но сначала я расскажу тебе только то, что он видел сам. А потом решим, как проверить остальное.

Александр снял пальто не сразу. Сначала посмотрел на папку у её локтя, на выведенное крупно имя Власова, потом на Марину.

— Он видел книгу?

— Видел, как Чернов забрал её из мастерской. Или, точнее, видел, как Чернов унёс книгу, лежавшую на прилавке. Власов не знает, была ли это та самая книга.

Александр повесил пальто на крючок. Мокрый подол оставил на стене тёмную полосу.

— Чернов пришёл сюда?

— Сегодня утром. Спросил, расспрашиваю ли я о старых переплётах и мастерской. Я не ответила на его вопросы так, как ему хотелось. Он ушёл. Через некоторое время появился Власов.

— Он сам решил прийти?

— Да. По его словам, Чернов заходил к бывшему хозяину мастерской. После этого хозяйка просила Власова не вмешиваться. Но он всё же пришёл ко мне.

Александр не потянулся к папке. Марина заметила это и чуть ослабила пальцы на её обложке. Ей не хотелось поощрять осторожность как добродетель; просто сегодня она сама не была уверена, что готова увидеть, как он читает чужое свидетельство.

— Что именно он подписал?

Марина потянулась к папке и вдруг остановилась.

— погоди. Я сказала тебе, что он видел Чернова с книгой. Это неверно. Власов видел незнакомого человека с бумагой, на которой была печать. По приказу хозяина принёс книгу из шкафа, потом вышел во двор. Когда вернулся, книга лежала на прилавке, а рядом — серая ткань. Передачи он не видел и имени посетителя не знает.

— А Чернов?

— Его имя есть в моей записи о сегодняшнем визите. Не в подписанном свидетельстве о книге. Я сама сейчас связала то, чего Власов не связывал.

Она убрала руку с папки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.